

Зоя Крахмальникова. Горькие плоды сладкого плена. (1988 г.)

Автор: о. Валерий Леоничев вкл. 31 Июль 2015. Опубликовано в Архив РПЦЗ
(Просмотров: 173)

Провозглашенная М. Горбачёвым «гласность» вернула Зое Александровне Крахмальниковой свободу. Но для этой русской православной женщины, смиренной подвижницы и кроткой исповедницы, свобода имеет единственный смысл, единственную цель,— проповедывать Слово Божие, которое огнём горит в её сердце, не может вместиться в её душе и рвётся наружу.

На свободе она сразу же и обратилась естественно к своей Церкви, — к Московской Патриархии, ко главе её издательского отдела — Митрополиту Питириму, предлагая свои услуги опытного миссионерского издателя. Каково было её изумление, шок и потрясение, когда преосвященный не изволил ей ответить даже по простому долгу светской вежливости.

Но З.А. проживает в Москве, в сердце России, в центре всего, и потому она скоро стала проникать в тайну гробового молчания Московской Патриархии, что она и раскрывает в предлагаемой нами её статье.

Да это даже совсем не статья, это некий манифест, выражающий соборные чувства и мысли лучших русских верующих людей. Слова её сильные, правдивые и честные, слова обжигающие совесть, в какой-то степени героические в наше лихое время. Лик Зои в нашем духовном взоре сливается с ликами древних первохристианских исповедниц, величественно и одиноко стоявших пред сильными века сего; ибо Московская Патриархия, облекшись в тогу политическую, стала силой века сего. Но Зоя не одинока, за ней стоит Христос.

+ Митрополит Виталий.

Два обстоятельства побуждают меня писать эти заметки. Тысячелетие Крещения Руси стало мировым событием. Отечественные и зарубежные профессора патристики и церковной истории, экклезиологии и философии культуры прочли множество докладов (о наиболее серьезных из них оповестили нас религиозные программы «Голоса Америки» и «Би-би-си»). Но при всей многоаспектности подхода к темам Тысячелетия одна главная тема осталась за пределами интересов учёных и богословов. Это — кризис церковного сознания в Русской Православной Церкви, поставленной в феноменальное положение государственной атеистической властью, выдвинувшей на заре своего становления глобальную задачу уничтожения религии в СССР.

Делегированные за границу для участия в юбилейных конференциях и симпозиумах наши отечественные специалисты по религии не касались (как, впрочем, и здесь, на родине) ни экклезиологических проблем, ни церковной истории новейшего периода, ни характеристик определенного типа духовности. А между тем в нашей Церкви сложился уникальный в некотором смысле тип церковного сознания. И сложился он в связи со следующими обстоятельствами.

В течение последних десятилетий учение Православной Церкви оказалось по сути дела недоступным православному народу, лишенному семьдесят лет катехизической, учительной, духовной литературы, лишенному Священного Писания и Предания Православной Церкви, лишенному проповеди истинного Православия. Верующему народу была оставлена только возможность: посещать храмовые богослужения (да и то только в тех местах, где остались храмы) для «отправления культа», как это называлось в государственных инструкциях.

Но Святая Церковь исповедует веру «всей Своей жизнью: учением, таинствами и обрядами» (А.С. Хомяков, «Церковь одна»), и ни одно из этих трёх составных не заменяют друг друга. Основы догматов православной веры, изложенные в Символе православной веры, в течение многих веков раскрывались в творениях св. отцов и учителей Церкви. Из века в век Православная Церковь передавала своё учение, храня его чистоту как зеницу ока. Но настало время, когда эта традиция была прервана и Православная Церковь в России понесла неисчислимые утраты.

Очевидно, что кризис православной духовности отразился на нескольких поколениях церковного народа в нашем Отечестве.

Зарубежные исследователи Православия не могут проанализировать особенностей этого кризиса, ибо такого рода реальности познаются в личном опыте приобщения к ним. Отечественные же исследователи, по видимому, предпочли пренебречь этой проблемой, дабы не внести диссонанса во всеобщий юбилейный пафос.

Между тем, мне эта проблема представляется весьма существенной для судеб современного мира.

Антихристовы силы, поднявшие меч на Бога и Его учеников, изменили не только положение Церкви в России, они изменили и будут менять духовную ситуацию во всём христианском мире.

Человечество — единый организм, всецелый Адам, и, если сокрушается часть этого организма, то сокрушается он весь, целиком, независимо от того, осознает он адекватно причины постигающей его катастрофы или не осознает.

Гонение первохристианской Церкви открыли не только могущество и победу христианского духа над царством князя тьмы, они открыли новую эру в истории человечества, его цивилизации и культуры. Каков же духовный смысл безпримерных гонений, переживаемых христианством XX века? Что за урок дан Господом человечеству и для чего? В чем промыслительный смысл его и какие плоды принесла и должна еще принести кровавая жатва XX века?

Для меня было бы постыдной дерзостью пытаться ответить на эти вопросы. В России раньше говорили, да и теперь повторяют: важно поставить вопрос. Ответ на него будет дан тогда, когда наступят для этого сроки.

Второе соображение, побуждающее меня высказываться на столь животрепещущие темы, связано с настоятельной необходимостью вернуться к разговору о проблемах, обсуждавшихся за «Круглым столом», посвященным Тысячелетию. Обсуждение это стало известно радиослушателям религиозных передач «Голоса Америки».

Это был первый опыт такого свободного обсуждения православными христианами насущных проблем церковной жизни. Впервые писатели, литераторы, журналисты, вместе с пастырями Церкви, получили возможность, обращаясь к своим собратьям по вере, говорить о том, что волнует церковную общественность и о том, что является предметом их творческого анализа.

У нас нет ни амбона, ни возможности публиковать свои воззрения ни в одном из средств массовой информации, безраздельно принадлежащих государственной атеистической власти (такие попытки некоторыми из нас были сделаны и не увенчались успехом); церковные же органы печати не только минимальны (единственный журнал ЖМП), но, как известно, принципиально занимают позицию, угодную атеистической власти.

Некоторые из участников «Круглого стола» недавно вернулись из заключения, где отбывали свои сроки за проповедь Слова Божия, другие пострадали за веру, оставаясь еще на воле (перестройка прервала преследование верующих, были закрыты уже начавшиеся «дела»).

Гласность приоткрыла завесу лжи и обнажила поверхность первых ступеней ада, только ближнюю поверхность открывшихся бездн. Но что за ними, за первыми кругами ада?

Гласность вынесла на поверхность народное горе, ужас перед преступлением в одних и жажду оправдать убийство в других.

Все слои нашего общества оказались вовлеченными в ситуацию гласности так или иначе. И только так называемая «официальная церковь» в лице церковной иерархии, на словах приветствуя гласность, не приняла её должным образом. Напротив, она даже выставила некий «заслон» гласности в Церкви. Как только кто-то из христиан, побуждаемый ревностью о Церкви, порывается высказать свои взгляды, он тут же, вопреки заповедям Христа, церковным канонам и вопреки подлинному церковному благочестию, объявляется «духовно заблудшим» и обремененным страшными грехами.

Но церковные власти, увы, не ограничиваются увещеваниями своих, всё еще малочисленных обличителей («не бойся, малое стадо», — говорил Христос тем, кто будет гоним властями мира сего, церковными они зовутся или государственными (Лук. 12:32)), они предпочитают включить в свои коммюнике и постановления политические обвинения в адрес тех, кто усомнился в их непогрешимости. Факт необычайно примечательный. Не только лексика этих обвинений печальным образом напоминает лексику приговоров узникам Христовым, но свидетельствует об определенном политическом мышлении, усвоенном церковными властями, вытеснившим христианское мышление.

Гласность не только сняла покровы со многих тайн, она достаточно четко показала, кому она не угодна. А не угодна она тем, в первую очередь, кто боится, что она вскроет и те бездны ужаса и беззакония, нравственного распада, мафиозности, хищничества и коррупции, которые прикрыты маской благочестия. И потому в молчании церковных властей о реальных бедах Церкви слышится не только недоверие к гласности, но и страх перед ней, страх, прикрываемый презрением: «нам не нужна ваша гласность, всем известно, что мы в плену...»

Еще в начале своего приближения к Церкви я не раз слышала от более опытных, более «укорененных» в церковной жизни ответ на мои вопросы по поводу безгласности Патриарха и епископов: «они в плену». Мне, однако же, ни разу не удалось увидеть наручников на Патриархе Пимене, ни разу не пришлось мне видеть и конвоя, сопровождавшего Патриарха или владык, ни разу не видала я их, выходящих из «воронков», но с удивлением наблюдала, как они благословляют народ, кланяющийся колесам чёрных «чаек» и «зилов», в которых восседают наши монашествующие владыки. Миф о плене — одно из самых дорогих наших приобретений. И я некогда отдала ему дань (о чем теперь сожалею) в одной из своих статей, высказывая надежду, что иерархи в своем добровольном пленении постепенно преобразятся с помощью Бога. И перестанут лжесвидетельствовать.

Есть «роковая точка» в судьбе каждого из нас, и, бывает, что преступив её, уже невозможно вернуться...

После лютых хрущевских гонений наступили восемнадцать лет застоя и гниения. И, если в мирском обществе удалось найти хоть какие-то силы, способные к гласности, то в церковной иерархии можно было обнаружить только желающих поощрять гласность на «официальном уровне».

Но бывает, что из глухих тоннелей молчания доносятся кое-какие возгласы и наряду с изумленными возникают то изумленные, то ободряющие... А одна из реплик как выстрел: «Раскол?».

Возможно ли, — думаю я, услышав это страшное слово, похожее на другое такое же страшное: расстрел?

Откуда оно донеслось до моего слуха? И зачем? И так ли оно неожиданно? Кто же его пустил по рядам?

Церковь всегда боится раскола, ибо нам завещано единство. И не просто завещано, оно объявлено нам Господом как условие нашего единства с Ним.

Церковь — живой организм, а Глава ее — Христос, Воскресший Бог наш, Бог не мёртвых, а живых. Он принёс в этот мир разделение и единство. Единство между верными Ему и разделение между теми, кто исполняет заповеди Его, и теми, кто их попирает в угоду своим страстям любого толка. Когда обмирщённая Церковь предпочитает законы мира законам евангельским, тогда и ей, как и миру предстоит обещанное Христом разделение. Разделение Словом Божиим, отсекающим огненным мечом ложь от истины. Но боится этого меча только тот, кому дарован этот священный страх. Только этот священный страх Божий может уберечь от раскола.

Сладкий плеиъ. Миф и реальность.

Бог требовал от своего народа, чтобы он шёл в Вавилонский плен.

Через пророков, «с самого утра» увещевавших Божий народ, Он требовал согласие на плен. Зачем же человеческой душе, испытывающей нестерпимый гнёт земного плена, еще один плен? Повидимому, для того, чтобы узнать, что такое свобода.

Свобода — высший дар и познаётся только тем, кто жаждет совершить побег из плена. Когда земля наша устала принимать мощи мучеников и исповедников Христовых, когда появилась мнимая надежда на то, что плен явится укрытием от смерти, наша Церковь под водительством великого старца и не менее великого богослова (как уверяли нас многократно официальные сочинители монографий) митр. Сергия (Строгородского) пошла добровольно в плен. Эта возможность была открыта известной Декларацией митр. Сергия.

Ключевая мысль Декларации была выражена фразой: «Ваши радости — наши радости». Смысл её теперь, через 60 лет (она была обнародована в 1927 году), достаточно определён и не может иметь разночтений, его однозначность подтверждена шестидесятилетней историей Церкви.

Он означает только то, что означает, а именно: ваши радости, связанный со строительством нового атеистического общества, в котором нет и не может быть места истинному Православию, отныне и наши радости.

Оговорюсь сразу. Я не пишу историко-церковный очерк и не намерена излагать эпизоды церковной истории. Она пишется людьми, компетентными в этой области и призванными к такого рода творчеству. Моя же задача совсем другого плана, меня интересует приближение, насколько это возможно, к духовной сущности происходящих в сегодняшней жизни нашей Церкви событий, ставших своего рода теми «плодами», по которым нам заповедано Богом узнавать о нашей деятельности и которые Бог явил нам воочию сегодня.

Итак, плен был добровольным. **Плен был избран как спасения от гонений. Нужно было сохранить Церковь, как объясняют апологеты митр. Сергия.** Однако трудно себе представить, чтобы Апостолы Пётр и Павел, как любой из Апостолов-мучеников, для того, чтобы сохранить Церковь, решились заявить Нерону: «ваши радости — наши радости». Они так же, как сонм мучеников, гонимых Траяном, Диоклетианом, Декием и прочими, сохраняли Церковь иным образом, сохраняли тем образом, который был завещан Христом. Может быть, митр. Сергий действительно радовался радостям Сталина?

Или им был избран особый путь для христианства, новый путь, не похожий на тот, которым следовала Церковь во времена апостольские и последующие вслед за гибелью Апостолов?

Да и спас ли Церковь от гонений митр. Сергей своей Декларацией? И возможно ли спасти Церковь человеческими средствами?

История Русской Церкви свидетельствует о том, что Церковь не покорилась политической программе митр. Сергея. И только потому, что она следовала евангельским заповедям, она выстояла вопреки разрушительной политике митр. Сергея. Декларация же позволила расправиться с теми, кто не пожелал изменить евангельскому откровенно о Церкви. Жесточайшими гонениями ответили те, чьи радости стали радостями митр. Сергея. Годы ежовщины, а вслед за ними годы бериевщины унесли бесчисленное количество жертв...

Непринявшая радостей сталинщины и непокоренная гонениями, Церковь осталась верной Христу. И постыдно было бы полагать, что правота осталась на стороне тех, кто сохранил свою жизнь, а не за теми, кто утратил её ради Христа.

В Церкви правота остается не за теми, кто выживает путём компромисса с совестью, а за теми, кто идёт по стопам Христа.

Плен, избранный митр. Сергием, был не только добро-вольным, но и радостным: «ваши радости — наши радости». Он был осознан в 30-40-е годы некоторой частью духовенства как мудрость. Как особая мудрость. Термин «особая мудрость» используется церковной иерархией каждый раз как свидетельство её поразительной мудрости по спасению Церкви в условиях, предназначенных для разрушения Церкви. И всякий раз оказывается, как это ни парадоксально, что «особая мудрость» по спасению Церкви применяется именно в приятии условий, которые призваны разрушить Церковь. Последний раз эта «особая мудрость» была прославлена одним из правящих архиереев, когда на предсоборном архиерейском совещании, обсуждавшем вопросы об отмене постановления Собора 1961 года, он объявил, что единодушное одобрение иерархами постановления Собора 1961 года, обречшего Церковь на неисчислимыи беды, было особой мудростью.

По-видимому, «особая мудрость» связывается в сознании «церковных руководителей» (так величают правящих архиереев не только власти, но и они сами) с советом Господа, данным Им Апостолам: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16). Но змий не только считается в Священном Писании «символом мудрости»; мы знаем из книги » Бытие, что лезть и лезть змия, «который был хитрее всех зверей полевых» (Быт. 3:1), послужила причиной катастрофы для человеческого рода. Бог проклял за это змия, повелев ему пресмыкаться, «ходить на чреве своем» (Быт. 3:14).

Мудрость змия и простота голубя, заповеданные Господом, никак не могут сочетаться со способностью пресмыкаться. Ибо нечестием было бы предполагать, что Господь учит Своих учеников «ходить на чреве», подобно проклятому и презренному Им змию.

Притча о мудрых и неразумных девах раскрывает евангельский смысл мудрости (Мф. 25:1-12), как верности в полноте Христовым заповедям. «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом», — разъясняет Св. Апостол Павел смысл евангельской мудрости (1Кор.3:19). Ибо началом премудрости является страх Господень. Тот, кто владеет этим даром, не станет пресмыкаться, подобно змию. Но диавол, как известно, отец лжи и творец ложных теорий. Диавол превращает смыслы Божественных глаголов в антисмыслы, а лезь выдаёт за истину.

Итак, плен был единственным выходом для тех, кто получил церковную власть с согласия мирских властей. Это — скорбная тема - компромисс со злом укрепляет зло. Компромисс не крест и ничего общего не имеет со смирением пред волей Божией.

Это — начало новых бедствий, неисчислимыи искушений и духовных потерь, огненных испытаний, и нам не дана

возможность постичь размеры бедствий и узнать им цену.

Господь хотел, чтобы Вавилонский плен был добровольным.

Среди различных видов Его оставлений, которые св. отцы усматривают в Священном Писании, есть «оставление по отвращению», как то было, по словам Максима Исповедника+, с иудеями, дабы наказанием обратить их к покаянию (Добротолюбие, т. 3, стр. 106. В дальнейшем все цитаты из творений Св. Максима будут приводиться из этого издания). Св. Максим считает, что перечисленные им виды оставлений, в том числе и это, «по отвращению», спасительны и исполнены Божественной благодати и человеколюбия. Эта мысль святого подтверждается в сто тридцать шестом псалме. («На реках Вавилонских»). Дух Святой устами пророка открыл нам смысл Вавилонского плена; порой его ошибочно отождествляют с тем, который был избран митр. Сергием. Плач на реках Вавилонских, сто тридцать шестой псалом — сокровище духовных прозрений, и не случайно Церковь поёт его на кануне Великого поста, раскрывая в своём молитвенном опыте духовный смысл Вавилонского плена, ставшего школой мужества и трезвения, по учению отцов Православной Церкви. И средством стяжания блаженства.

Но кто же будет блаженным в Вавилонском плену? Тот, кто не предаст своей духовной родины, тот, кто поставит её «во главе веселия» своего в плену своём, тот, кто «разобьёт младенцев», рожденных Вавилоном (как «опустошительницей» духовного основания плененного народа), о камень. О краеугольный камень — о Христа. На этом камне Он и поставил Свою Церковь. Не раз святые отцы Православной Церкви трактовали слово «младенцы» как «помыслы», призывающие уступить сатанинскому плену, которые поэтому-то и следует разбивать «во младенчестве» (т.е. сразу после их появления).

Плен — роковая тема христианства. Тема двух путей. Тема преданности и измены Христу. И потому Господь посылает плен, как огненное искушение, дабы в его горниле испытывалось золото веры. Это — скорбная тема. К ней прикоснуться столь же страшно, как страшно прикоснуться к огню. Бог Сам будет судить Свой народ.

Нам Он заповедал не судить, а узнавать. Узнавать по плодам. И прощать тех, кому Он не дал силы для служения Ему.

Здесь я сделаю еще одно необходимое отступление, предвидя неизбежные возражения тех, кто столь же произвольно понимает слово «судить», как и завет Господа о «мудрости змия».

Нам запрещено судить и осуждать, и Бог ненавидит тех, кто судит Его рабов. Но Церковь давно была бы одолена вратами ада, если бы жаждущие и алчущие Истины молчали бы о поругании Истины. Не было бы первомученика Стефана, бросившего обвинение Синедриону и увидевшего после этих обвинений «небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян. 7:56).

«Вы всегда противились Духу Святому, как отцы ваши, так и вы», — сказал первомученик Стефан сидящим в Синедрионе.

Это — не суд, это служение Христу и Его Церкви.

Не было бы единства и мужества перед жесточайшими гонениями в первохристианской Церкви, если бы устами Апостола Петра не была отвергнута первая церковная ложь Анании и Сапфиры, солгавших Духу Святому, живущему в Церкви (Деян. 5:1-11). Не было бы святых, отстоявших православную веру в бескомпромиссных обличениях ересей.

Если бы христиане молчали, пряча за лжесмирением свой страх перед сильными мира сего, пред иноплемениками, язычниками и идолопоклонниками, не было бы сонма священномучеников, мучеников, исповедников, кровь которых является семенем Церкви. Господь ждёт и одобряет, как мы знаем из первых глав Откровения св. Иоанна Богослова, обличение лжи в церковной ограде, обличение ересей и вероотступничества.

Филадельфийскую Церковь он обещает увенчать победой «над сборищем сатанинским» за твёрдость и «верность имени Его» (Откр. 3:7).

Если бы Церковь молчала, отказываясь от обличения зла, ад давно бы поглотил ее. Она и стоит, по обетованию Бога, столь непоколебимо именно потому, что Бог призвал Своих учеников бороться за Истину со служителями ада и даёт им силу побеждать их. Кто же может обличать зло в церковной ограде и вне её? Любой христианин. Он не только имеет

на это право, но это является его святой обязанностью, доказательством его верности Христу. И тот, кто не обличает лжеистину, антиистину, тот, по нашей вере, будет отвечать за отказ обличать зло и ложь так же, как те, кто порождает их, ибо будем мы тогда попаляемы одним огнём: «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнём и серою. Это смерть вторая» (Откр. 21:8).

Но продолжим прерванную нами тему. Какой же радостью был отмечен плен, избранный митр. Сергием? В Соловецком лагере ждали крестной смерти епископы, оспорившие в своём соборном послании позицию митр. Сергия. Прельщение, предательство, доносы, интриги, лицемерие, двоедушие, измена — вот чем обернулись для Церкви «радости» митр. Сергия. В 1939 году на свободе осталось, кроме митр. Сергия (Строгородского), только три епископа. Ссылали тех, кто не разделял позиции митр. Сергия, получали кафедры те, кто кадил его «особой мудрости».

Поклонись мне, сказал сатана Христу, когда Он был отведён Духом в пустыню для искушения (Лук. 4:1-12). Поклонись мне и получишь все сокровища мира. Поклонись мне и будешь Патриархом. Поклонись и станешь епископом, твоё служение будет считаться апостольским, у тебя будет почёт, слава, деньги, власть, тебе будут кланяться в ноги, будут кланяться колёсам твоего автомобиля. Поклонись мне.

Наступает время, когда каждая душа, выходящая на служение Богу, ведётся Духом в пустыню для искушение от диавола. Ведётся в плен. Выбор был сделан митр. Сергием, ставшим Патриархом. И плоды сергианства в нашей Церкви, прожившей шесть десятилетий после принятия радостного плена, оказались на редкость впечатляющими. Бог явил их нам со всей Своей щедростью, явил для того, чтобы те, кто хотят иметь уши для слышания, а глаза для того, чтобы видеть, смогли узнать в явленных плодах: может ли харизма первосвятительской власти полученная в хиротонии епископом или священником, стать формализованным актом, подобно штампу, сохраняющему свои очертания на бумаге, к коей он приложен? Может ли харизма стать «пожизненной рентой» или это живая жизнь Духа, все Животворящего и Утешающего. Жизнь, непременно приносящая плоды Духа (Гал. 5:22)? Жизнь преизбыточная, не подвластная никаким формальностям, преодолевающая их, превосходящая все и вся во имя жизни вечной?

Что такое духовное сергианство и каковы плоды его?

Сергианство возникло как политическое явление. Однако вскоре политическая программа митр. Сергия породила не только особый стиль церковной жизни, характерный канонической сумятицей, церковной смутой и предательством непокорных.

Сергианство в самых своих истоках стало явлением духовным. Суть его в духовной «ревизии» Евангелия. Исходя из убеждения, что в истории человечества возникают ситуации общественные, политические и социальные, в которых евангельские принципы должны быть приспособлены к условиям этих ситуаций, духовное сергианство предлагает Русской Православной Церкви изменить, по меньшей мере, две центральные темы человеческой жизни в их евангельском прочтении, два главных принципа бытия, связанных с надеждой на спасение. Это Крест и исповедничество.

«Упразднение Креста», как опасность для христианства, для Церкви впервые возникает в Первом послании Апостола Павла к Коринфянам. Затем в Послании к Галатам Апостол высказывает тревогу по поводу того, что обрядом (речь в данном случае идёт об обрезании) можно упразднить Крест Христов: они понуждают вас обрезываться, «чтобы не быть гонимыми за крест Христов» (Гал. 6:12). Этот соблазн: заменить Крест обрядом, а

веру обрядовиерием — всегда был опаснейшим соблазном для Церкви. И всегда она боролась с ним.

Святые, как пишет преп. Максим Исповедник, шли в Вавилонский плен с народом, оставляя «высокое слово ведения», созерцание и Богообщение только ради поучения народа, которое и должно дать силу для преодоления соблазнов, подобных страшному соблазну упразднения Креста, подмены его.

Но в духовном сергианстве мы встречаем обратный смысл тому бытию, о котором повествует св. Максим Исповедник. Церковь призывается признать радости своих гонителей своими радостями, успехи по уничтожению миллионов своими успехами.

Сколько раз и от скольких священников слышали мы; что они не решаются выступить в защиту Истины, выступить с проповедью истинного Православия только потому, что боятся «потерять приход», полагая, что они нужны приходу больше, чем Истина Христова, что «требоисправительством» и проповедью «полухристианства» можно духовно служить «приходу»! В Послании к Филиппийцам св. Апостол Павел с горечью говорит: «все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу» (2:21).

Но история Церкви знает случаи, когда пастыри оставляли свои «приходы» ради служения Христу, и Он награждал их за это святостью. Преподобный Исаак Сириянин, будучи епископом той самой Ниневии, куда некогда был отправлен пророк Иона, чтобы проповедывать ниневитянам покаяние, оставил свой «приход» и своих прихожан, упросивших его быть епископом Ниневии, оставил, когда узнал, что они не желают следовать Евангелию.

Преподобный Исаак стал великим подвижником, а опыт служения Христу, записанный им, стал сокровищем духовных откровений для многих и многих поколений иноков и мирян.

В каждом лжесвидетельстве, кем бы оно ни произносилось, мирянином или патриархом, священником или епископом, лжесвидетельстве, цель которого отрицать гонение, безусловно, отрицается обетование Господа о спасительной силе Креста. А значит и обетование воскресения, ибо воскресение, по учению св. Церкви, без Креста невозможно. «Се бо придет Крестом радость всему миру», — поёт Церковь.

Надо ли говорить о том, что искать крестной смерти, когда она не посылается Богом — опасно. Мечтать о крестной славе нам, не умертвившим свои страсти, свои земные притязания — недозволенное Церковью и губительное для души самопрельщение.

Когда Господь дал «передышку» христианству, возмужавшему в гонениях, когда началась Константиновская эпоха, перед Церковью остро встал вопрос об угрозе упразднения Креста.

Церковь ответила на это иным мученичеством. Монашество, как мученичество Христа ради, принесло невиданные ни одной эпохой в жизни человечества плоды духовности, оно стало

новой закваской мира, солью человечества, сохраняющей его от нравственной гибели.

Церковь ушла в сокровеннейшую пустыню для того, чтобы осолить своей жертвой человечество.

И одарить его силой принятого на себя добровольно Креста.

Монашество разцвело в эпоху «затишья», тогда, когда кровавые гонения на христианство были заменены гонениями духа злобы, падшего духа, внушающего миру ненависть к своему Творцу.

Исповедничество пустынников и аскетов было невидным и бескровным, но сила его от этого не иссякала и не умахалась. Церковь живет неявной для мира жизнью. Она не только сохраняет мир, но возрождает Его тайным для него образом. Церковь есть «великая тайна мироздания», по словам Хомякова. И в этой тайне сокрыта великая сила; не зря св. Ириней Лионский говорил, что «когда Церковь в конце [истории] будет внезапно взята отсюда, то будет скорбь, какой не было от начала и не будет» («Против ересей», кн. 5).

Ученикам Христовым было заповедано погубить душу свою в мире сем, чтобы обрести её (Матф. 10:39), им заповедано было стать свидетелями Христа. Свидетелями Истины во всей полноте её.

Исповедничество — особая жизнь во Христе. Это свидетельство иного бытия, свидетельство надежды и возможности воскресения. Это свидетельство необходимо миру, оно дороже всех наук и всех видов культуры, созданных человечеством. Дороже политики в любых её видах и проявлениях, дороже всех общественных достижений. Потому что свидетельствующий о Христе, о Его воскресении, свидетельствует о возможности преодоления смерти. Поэтому исповедничество и становится подвигом в мире, не желающем верить в возможность преодоления смерти.

Для того, чтобы служить делу исповедничества, делу любви и спасения, мало считаться верующим человеком, посещать богослужение, участвовать в обрядах, «отправляя культ», и отмечать церковные праздники. Быть свидетелем Христа в мире, ненавидящем своего Творца, учит нас Церковь, можно только страдая за Христа или, как говорит преп. Максим Исповедник: «Блаженны одни те, которые действуют и страдают за Христа и во Христе» (Добротолюбие, т. 3, стр. 43).

Сколь страшен для души этот максимализм евангельский, сколь жгуч огонь Божественной любви! Как горяча и непостижима любовь Христа, отдающая на страшные муки самых любимых Своих, самых преданных и чистых, отдающая на крестную смерть самых драгоценных ради спасения хотя бы одного из малых сих!

Таковы евангельские любовь и безумие Креста.

Возможно ли предложить человечеству новое христианство, новую веру, которая отказывается из соображений «особой мудрости» стать светом миру? Миродержец во все времена истории нашего мира предлагал и будет предлагать до скончания века свое христианство. На этом, как мы знаем, упрочится Антихрист.

Он будет внушать мысль о необходимости обновить его тем или иным способом, создавая «современное», «лучшее», чем было, «христианство», современную, новую религию. И в каком бы месте вселенной ни начинался жестокий бой за «новое христианство», вся святая Соборная Апостольская Церковь, странствующая в различных и отдаленных друг от друга пространственными границами уголках земли, испытывает на себе в той или иной мере последствия, подчас уникальные, этого сатанинского натиска..

Невинная кровь вопияла к Богу в периоды инквизиций и расколов, отмеченные чёрным братоубийственным предательством лжехристиан. «Великий инквизитор», сочиненный отцеубийцей и братоубийцей Иваном Карамазовым выразил в ёмкой форме суть различных модернизаций христианства: «Мы исправили подвиг Твой...»

Духовное сергианство и есть по своей сущности «исправление подвига» Христа. Каковы же духовные плоды этого нового христианства, что явил нам Бог сегодня, через 60 лет после решительных действий митр. Сергия, избравшего «новый курс» для Православия?

Поклонение словесным идолам породило новое идолопоклонство. Признавая радости гонителей своими, надо было признать своими и те реальности, которые формировали новое язычество.

Грех монотонен, по словам праведника Иоанна Кронштадтского. Любая модернизация христианства порождает идолопоклонство.

Библейская чистота словесности, или, как говорит Апостол Пётр, «чистое словесное молоко» не может ни в одной исторической ситуации вместить в себя какую-либо примесь, чтобы не утратить свой Богоизбранный смысл. Когда старцу Елеазару было предложено, по повелению господствующей власти, «отступить от законов отеческих и не жить по законам Божиим» (2 Макк. 6:1), а пойти на компромисс и притвориться (всего лишь притвориться!), что он есть идоложертвенное мясо, Елеазар отказывается. Отказывается, несмотря на то, что ему грозит смерть (6:18-31).

История эта замечательна не только потому, что в ней мы узнаем о верности Богу и о готовности ради неё идти на мученическую кончину. В ней есть еще один универсальный

для всех времен смысл: гонителям отеческой веры не столь важно поклонение государственным или политическим идолам, так сказать, по совести; совестью можно пренебречь, им важно признание их религиозной доктрины, даже если это признание всего лишь лицемерие. Им важно разрушить целостность веры ложью, разрушить её Божественный максимализм. Отметим тут же еще один важный аспект, к которому наша мысль будет не раз возвращаться. Елеазар принимает мученическую кончину как государственный преступник, ибо он отказывается даже ложно признать господствующую религиозную доктрину. Он — политически преступник, так же как три отрока, брошенные в печь Вавилонскую — Анания, Азария и Мисаил, отказавшиеся поклоняться государственным идолам. Политическим преступником был и пророк Даниил, брошенный в львиный ров за то, что продолжал, вопреки приказаниям власти, поклоняться своему Богу. Православная Церковь раскрывает истинный смысл этих библейских сюжетов в своей литургической жизни. Смысл их неизменен в любом историческом времени.

(Одним из духовных последствий сергианства стало политиканство церковной иерархии. Несмотря на то, что Собор Русской Православной Церкви 1917-18 годов счёл невозможным для Церкви участие в политической борьбе, за каждым членом Церкви осталось право от своего имени участвовать или не участвовать в политической жизни. Но Церковь свободна от нее.

И тем не менее, нарушая церковную свободу, не принимая во внимание суждение по этому вопросу Собора, церковная иерархия сергианского направления порождает и развивает новый тип христианства: политическое христианство.

Оно развивается и крепнет в борьбе с обновленческим расколом, в состязании с обновленцами за привлечение на свою сторону государственной власти и за получение её признания.

Впоследствии советские историки религии не без основания отметят, что сергианство, победив обновленчество, принимает его принципы политизации церковной жизни (дурные примеры, как говорится, заразительны, обновленчество не только передаёт свои «политические приёмы» сергианству, но и традицию «женатого епископата», который процветает и сегодня в РПЦ). Политическое христианство как разновидность «неохристианства» или обновленчества разрабатывает свою концепцию взаимоотношений между Церковью и миром, свою интерпретацию миссии Церкви в мире. Эта интерпретация коренным образом отличается от евангельского откровения о Боге, человеке и Церкви.

Согласно евангельскому откровению, христианство не может быть причастным ни какой политике, ибо призвано находиться вне всех политических институтов и их доктрин, оно не претендует ни на какие блага в сем мире. «Царство Мое не от мира сего», — говорит Господь представителю земной власти (Иоанн. 18:35).

Царство Христа, к которому заповедано христианам стремиться прежде всего, превыше любой политики и любой идеологии, созданной людьми мира сего. Ищущие его несут весть о вечной горней жизни, а все политические системы заняты жизнью дольней.

Церковь призвана Богом к определенному типу служения миру, она призвана нести благую весть о надежде на воскресение. Политическое христианство отказывается от этой миссии. Отказывается потому, что не может, не в силах нести благую весть о спасении души. Бог не даст политическому христианству силы заниматься и апологетикой, которая необходима обществу. Нам заповедано не только молиться о властях и гонителях, но и проповедывать им надежду на избавление от вечной смерти, чтобы хоть одна душа могла узнать жажду спасения, благодаря христианской проповеди. И, отстаивая право на апологию своей веры, на проповедь, христианин отнюдь не заботится о себе, он призван одарить верой другого, кем бы ни был этот другой — сочувствующим христианству или гонителем. Христос говорит Своим ученикам: «Пред правителями и царями поставят вас за Меня для свидетельства пред ними» (Марк. 13:9). Пред ними, значить для них. Богу

дорога каждая душа, она стоит целого мира. История христианства знает множество примеров, когда мужество христиан перед мучителями обращало мучителей ко Христу...

Но слышали ли мы хоть однажды от тех из архиереев, которым предоставлена возможность проповедывать с экранов телевизоров и с газетных полос, слово в защиту Истины?! Политическое христианство — это смоковница, красующаяся листьями своими — облачением своим, — но не имеющая плодов, которые могли бы насытить жаждущих (Марк. 11:13).

Долгие годы катастрофического застоя и холодной войны наша церковная иерархия особенно активно занималась так называемой «миротворческой деятельностью». Сколько было произнесено похожих друг на друга миротворческих речей на всяких форумах, совещаниях, конгрессах! Сколько миллиардов церковных денег утекло на эти разговоры и на банкеты, венчавшие разговоры! А между тем, именно в эти годы тысячи и тысячи жизней унесла война в Афганистане, шли войны и в других регионах мира.

Сегодня гласность вскрыла пороки внешней политики брежневского времени. Но почему же церковные власти оказались

вовлеченными в этот порочный круг? Почему же молчали миротворцы о гибели тысяч сыновей нашего отечества в Афганистане? Когда Бог собрался уничтожить жителей Содомы за беспримерное нравственное бесстыдство и распад, когда Содом превратился в капище всякого разврата, в которое может превратиться наш земной дом, наш мир, находящийся постоянно, а в нынешний век особенно явно под этой угрозой, Бог приговорил Содом ко всеожигающему огню.

И тогда Авраам «стал пред лицом Господа» и начал умолять Его пощадить Содом, пощадить человечество.

«Может быть есть в этом городе пятьдесят праведников. Неужели Ты погубишь и не пощадишь (всего) места сего ради пятидесяти праведников?»

В Содоме не нашлось пятидесяти праведников, и Авраам, так же как Бог, знал это. Он начал «торговаться» с Богом. Речь пошла о сорока пяти, потом о сорока, затем о тридцати, двадцати праведниках и, наконец, о десяти. Бог обещал пощадить Содом, если там найдётся десять праведников. Но их не нашлось (Быт. 18:22-32). В Содоме был один праведный Лот со своей семьёй. Они были выведены из города, и огонь уничтожил содомское человечество. Мысль этого библейского сюжета очень поучительна для тех, кто жаждет спасения мира, спасение своей родины, поучительна она и для профессиональных миротворцев. Хочешь спасти мир от всеокрушающего огня — будь праведен...

Разрыв с традицией.

Поклонение словесным идолам приводит к беспрецедентному для Православия идолопоклонничеству перед Сталиным. Но чем больше кадит Сталину митр. Сергей со своими единомышленниками, тем больше жертв требует «Вождь всех времен и народов». В годы кровавого сталинского террора в лагерях и тюрьмах бесследно исчезают епископы, священники, монахи, миряне. Только Господь знает их число и их имена.

А митр. Сергей и последующие за ним патриархи — Алексей и Пимен — оповещают мир о своей радости по поводу того, что СССР — единственная страна в мире, в которой дана полная свобода религии и что никаких гонений на веру в СССР не только не было, но и быть не может. Подспудно, казалось бы, незаметно вяжется цепь злодейских подмен, цепь, которой, по мысли врага рода человеческого, можно удушить мёртвой хваткой Церковь.

Возникают новые богословские концепции. Время от времени в Журнале Московской Патриархии (ЖМП) печатаются «богословские обоснования» этой невиданной лжи о положении

Православной Церкви в чёрные годы ежовщины, кровавого террора, в годы лютых хрущевских гонений.

И когда председатель Совета по делам религий Харчев К.М., а вслед за ним его заместители повторяют в своих многочисленных интервью давно «наработанную» Советом «теорию» о том, что «религиозные руководители» в СССР сопрягают свои теологические доктрины с социалистическим идеалом, то оказывается, что в этой «теории» нет никаких преувеличений. Так оно и есть. Достаточно внимательным образом ознакомиться с выступлениями Патриарха Пимена, митрополитов и епископов, развивающих это «богословие» в своих речах, посланиях к пастве и приветствиях, чтобы убедиться в правоте деятелей из Совета по делам религий.

Однако если социалистический идеал становится частью теологической доктрины или «сопрягается с ней», то это неизбежно обнаруживает отречение от правой веры, ибо, как бы этого ни хотелось сотрудникам «по делам религий», ни в догматах, ни в богословии Церкви не содержится никаких «сопряжений» с социалистическим идеалом. Враг рода человеческого, хоть и однообразен в своих методах поругания Истины, но среди подмен, «впаянных в цепь», предназначенную для удушения Церкви, есть не только грубая ложь, лукавство, искажение, отречение, лжесвидетельства, есть и другое. Излюбленным приёмом врага Церкви, «церковного двойника», является так называемая «перемена знака», превращение смысла в «антисмысл».

Эта опасность давно была замечена учителями Церкви, а суть её раскрыта в Евангелии в разоблачении Христом «религиозных лжецов» и лицемеров: «ваш отец — дьявол, он — лжец и отец лжи» (Иоанн. 8:44), — говорит Христос тем, кто считает себя «религиозными руководителями».

Богоубийство созрело в религиозном народе, в народе, хранящем обряды и стремящемся исполнять Закон. Богоубийство созрело в Синедрióне, среди «религиозных руководителей». Этот факт не только принадлежит истории, он — реальность метаистории, свидетельствующая о Промысле Божиим относительно Церкви.

(Богоубийство оправдано первосвященником Каиафой в его «богословии компромиссов». Убивая Бога, он намерен спасти народ. Спасти народ, распявший своего Бога. Для того, чтобы народ был послушен своим религиозным вождям, для того, чтобы он согласился на убийство Бога, его не только нужно обмануть, предложив ему цепь подмен. Для того, чтобы подмены были приняты, религиозные вожди должны внушить народу благоговение к ним, к их святости.

Нашим мифотворцам мало рассказов о плене, они сочиняют мифы о том, что Патриарха атеисты закармливают таблетками (еще один вариант плена!), чтобы он ничего не понимал. Но Патриарх, несмотря ни на что, остается святым («бескровным мучеником» назвал его кто-то из мифотворцев). Патриарх ни разу не выступил с протестом против закрытия храмов, ни разу гласно не высказал сожаления по поводу того, что Русская Православная Церковь лишена возможности приобщить своих пасомых к учению Церкви; нет ни книг, ни журналов, а за религиозный самиздат еще совсем недавно бросали в тюрьмы и ссылали в Сибирь. Патриарх ни разу не поднял своего голоса в защиту тех, кого бросали в тюрьмы за Слово Божие...

Не исключено, по-видимому, полагают мифотворцы, что и в этом виноваты таблетки, ведь не под дулом же пистолета принуждают Патриарха лжесвидетельствовать в его интервью?

Когда одно из таких интервью Патриарха, утверждавшего, что в СССР не было и нет гонений на веру, было использовано моим следователем на допросах в Лефортовской тюрьме, я почувствовала, что лжесвидетельство Патриарха Пимена вполне удачно применяется в качестве «орудия» психологической пытки.

«Мученичество» Патриарха должно стать примером для паствы.

Нужно смиренно принимать таблетки и смиренно лжесвидетельствовать, если это требуется для «спасения Церкви». Но для этого мало мифов о таблетках и плене, мало

слухов, легенд и сплетен. Нужно богословски обосновать неохристианство или обновленчество, назовите это как угодно, и не только обосновать его связь с социалистическим идеалом, но и предложить обоснование мученичества без Креста. Для этого лучше всего выбрать из духовного наследия Православной Церкви то, что будет помогать двум «ветвям» неохристианства, во-первых, комфортному или «благополучному»

христианству и, во-вторых, обрядоверию.

Подмены духовного плана, как известно, почти неуловимы до тех пор, пока не явлены плоды. Евангелие дано нам как откровение о полноте бытия во Христе. При всей уникальности каждой личности и уникальности пути каждого ко Христу нам не дано возможности исключить из Евангелия то, что нам не под силу, ибо нам всё не под силу.

Без твёрдой веры и Божественной благодати мы ничего не знаем и ничего не умеем. И не достигнем никакого совершенства, даже если захотим повторить подвиги св. Антония Великого, св. Макария Великого, св. Василия Великого и преп. Серафима Саровского. И даже, если нам удастся сделать что-либо доброе, то мы будем знать, что это совершилось не нашей силой, а силой Духа и только потому, что наша воля действовала в согласии с Волей Божией. Горе нам, если мы будем думать иначе!

Каждый из наших великих святых, оставивших нам бесценный опыт своей святости, жил в определенную эпоху странствования Церкви на земле, и если бы столь дорогие и близкие нам по времени их жизни в сем мире святые, как преп. Серафим Саровский или недавно прославленный народом святитель Игнатий (Брянчанинов), жили в эпоху тяжких гонений, которыми характерна наша эпоха, вполне возможно, что они засвидетельствовали бы, что стяжание благодати как цель христианской жизни, стяжание смиренного духа достигаемы отнюдь не лжесмирением отношением к поруганию евангельских смыслов бытия, а только отрицанием сатанинских искажений основ церковной жизни, отрицанием, провозглашенным с кровель.

Да как возможно стяжать благодать Святого Духа, стяжать мирный дух, чтобы «спаслись возле тебя тысячи», по словам преп. Серафима, если не исполняются веления Того, Кто подаёт благодать?! И кто из нас осмелится решиться на подвиги святых, не умертвив своих страстей, побуждающих нас к сатанинскому страху перед гонителями?!

Послушание есть осуществившаяся свобода, а святость создается в преодолении страха. По свидетельству святых, мы получаем истинную веру тогда, когда идем «до конца»... Однако же, комфортное, безопасное христианство ищет для себя святости или в обрядоверии, или в интеллектуальном восхищении идеалами монашеского, аскетического подвига.

Подмена идеалов лишает возможности жить согласно идеалам. Аскеза есть требование веры, но она не может заменить веры.

Смысл жизни, проповедуемый преп. Серафимом Саровским, желанен для души христианской во все времена исторического бытия Церкви. Но он не может упразднить Креста, и стяжать благодать Духа Святого, как учит нас святая Церковь, можно только исполнив в полноте всё заповеданное в Евангелии.

Нельзя «стяжать мирный дух, чтобы спаслись около тебя тысячи», презирая узников Христа ради и боясь открыто выступить в их защиту.

Церковь стоит на крови мучеников, на крови тех, кто пролил её за верность заповедям Христовым, и на крови тех, кто, исполняя заповедь Христа, обличал их убийц. Ибо святое единение есть жизнь Церкви, а учениками Христа, по Его словам, становятся только те, кто не отрицается от единства с гонимыми.

Лжесмирение и лжепослушание, столь часто встречающиеся в нашей церковной среде сегодня, есть результат «духовной ревизии» Евангелия и Предания. От лжеаскезы веет «духом Иудушки», духом фарисейства и обрядоверческого лицемерия.

Жить по-христиански невозможно, по-христиански можно только умирать, но смертью в земной форме нашего существования. Это и значит идти «до конца», — свидетельствует

православный подвижник нашего времени, автор книги о новопрославленном Афонском старце Силуане, одарившем нас уже в XX веке сокровищами своего опыта (архимандрит Софроний Сазаров, «Видеть Бога как Он есть», Англия, 1985 г., стр. 70).

Нельзя поставить для себя бутафорскую Голгофу для того, чтобы избежать подлинной. «Мы подвижничали и постились, забывая о жертвенной Христовой любви, — писал накануне смерти Сергей Иосифович Фудель, всю жизнь стремившийся к познанию непознаваемой полноты Церкви, узнавший тюрьмы и лагеря, нищету и скорби, оставивший нам в своих книгах свидетельство о страдании и радости во Христе, — мы подвижничали и постились, забывая о жертвенной Христовой любви, недоступной без Духа Святого, ибо это Он, как поведали святые, был Свидетель страданий Иисусовых. Если, как сказал Апостол, «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым», то как же без Него можно приблизиться к тайне и силе Голгофы, к её любви? Но ведь именно вне Голгофы или помимо Голгофы мы хотим устроить новое, „не архаическое" христианство, долженствующее разрешить социальный вопрос. „Христос Иисус, — сказал Апостол, — вчера и сегодня и во веки тот же". Тут уже не инакомыслие о Христе, которое когда-то разрешалось на Соборах. Тут два разных Христа».

В конце этих предсмертных записей, названных «Итог всего», С.И. приводит слова Псалмопевца: Пс.15:9 – «Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании». Эти слова сказал Пётр толпе людей, готовых стать первохристианами. Так и мы, последние христиане истории, стоим перед Богом и мы должны „видеть Его", чтобы быть непоколебимыми, чтобы и наш „язык возвеселился", видя зарю Духа, в которой открывается и познаётся вся подлинность христианства».

Мрачная тень греха и распада.

В наших храмах мы не услышим слово «свобода», хотя нам дарована свобода в Духе Святом и заповедано «стоять в свободе» (Гал. 5:17) и «не делаться рабами человеков» (1 Кор. 7:23).

В плену, в гетто все боятся друг друга. И если твоя рука случайно коснётся кого-либо, от тебя с ужасом отшатнётся твой единоведец. Потому что в тебе, может быть, притаился бес.

Боязнь бесов в церковном народе всё возрастает. Она может соперничать по силе своей только с боязнью церковных стукачей, но им как раз нельзя показывать свою боязнь и отдёргивать руку. Напротив, надо делать вид, что так положено. Бесы в облачении и в штатском свободны в наших храмах, они свободно ходят в трапезные монастырей, заглядывают в алтари. Страшно.

Считается, что этот страх пред бесами можно преодолеть обрядом, чтением акафистов, молебнами... Сей род изгоняется постом и молитвой, — учить нас Господь. Но кто научит меня, что такое, в подлинном его смысле, пост и что такое молитва?

Кто сокрыл это учение от меня? Почему его не проповедают в храмах? Не потому ли обличение бесплодных дел тьмы (Еф. 5:11), заповеданное нам, стало называться осуждением и попало под запрет, не потому ли говорить правду стало считаться греховным, а лгать, утаивать и лжесвидетельствовать стало почитаться смирением, послушанием и блаженством?

Разве епископы, правящие своими епархиями, не знают, что «вера от слышания» (Рим. 10:17). Почему же не слышатся в храмах поучения об основах веры? Почему епископы не добиваются для своих пасомых возможности катехизического обучения? Если и говорят о необходимости этого, то только те, которых епископат объявляет «духовно заблудшими», так называемые диссиденты. Именно эти «духовно заблудшие», а отнюдь не «религиозные руководители», добиваются разрешения властей на широкое и свободное издание религиозной литературы в различных её канонах и жанрах, именно они говорят о

необходимости религиозных радиопередач. Но церковная иерархия, повидимому, из соображений «особой мудрости» молчит об этом, а если вслед за «духовно заблудшими» и повторяет что-то подобное, то это звучит настолько невразумительно, что надеяться на успех не приходится.

У епископов прекрасные библиотеки, им книги не нужны, «выездные епископы» привозят для себя и для своих собратьев епископов с Запада всё, что издаётся там для церковного народа России. Владыкам не нужно добиваться издание книг. У них книг предостаточно. Может быть, не только мирские власти, но и владыки боятся религиозных книг? Язык богослужений обличает ложь. Бог попустил забрать у нас наши святыни, монастыри и храмы, снять с храмов кресты и колокольни, но Он оставил нам возможность совершать Богослужение. Для того, чтобы Слово совершало суд, как обещано нам Христом (Иоанн. 12:48). Литургическое слово опасно для лжесвидетелей и фарисеев, как опасен был для богоубийц Христос, Слово Отчее. Литургический язык отсекает от Церкви подобно огненному мечу тех, кто лжёт на Истину. Но для того, чтобы принять, вместить литургическое слово, нужен подвиг веры. Нужно стать алчущим и жаждущим правды. Заповеди блаженства Церковь поёт на каждой литургии, но они даны Господом не для концерта, исполняемого в храме. Для того, чтобы вместить их, нужны усилия. Нужны творения отцов Православной Церкви. Но их смыслы влекут нас к тому, чтобы поставлять себя пред судом Божиим. Может быть, оттого и возникает страх пред книгами? Может быть, поэтому боятся их те, кто не добивается их издания?

Сладкий плен приносит горькие плоды. Если христиане стремятся к благополучию, принимая условия мира, они неизбежно принимают на себя болезни и пороки мира. «Поклонись мне. Не обязательно сразу до земли, можешь только преклонить голову, сделать лёгкий поклон, почти незаметный для чужих глаз, мы будем об этом знать с тобой вдвоем...». Но не так-то прост миродержец, хоть и просить вначале малого, и не так-то прост, хоть и не скупится наградить щедро за малое. Не скупится на аванс, знает, что получить сполна. «Контракт» всегда сопровождается заручениями и поздними сожалениями. Порукой выполнения «контракта» является «досье», в котором собраны компрометирующие «клиента» материалы. На мытарствах души, как свидетельствует опыт святых, будет почти тот же порядок: бесы предъявят своё «досье»...

Радостный плен митр. Сергия и его единомышленников был не столь сладок, как плен нынешних его наследников. Чем дальше шло время, тем шикарней становился плен. Раньше торг шёл на жизнь, но постепенно страх за жизнь терял свою остроту. Все епископы, которые отказались принять условие «контракта» или смогли бы отказаться от него, исчезли с лица земли. И началось новое епископство, защищённое от тюрьмы и сумы.

Симфония между государством и Церковью зазвучала на новый лад. Остались лишь незыблемые «основы» симфонии.

В 1942 году Московская Патриархия выпускает «итоговую» книгу «Правда о религии в России», где чёрным по белому написано: «За 25 лет советской власти Церковь испытала не гонения, а скорее возвращение к временам Апостолов». Эта «правда» принадлежит митр. Сергию и является фундаментом новой экклезиологии Моск. Патриархии. В самой этой фразе содержится не только ложь о положении Церкви «за 25 лет советской власти», но и ложь «о временах Апостолов». Как известно, времена Апостольские отмечены жестокими гонениями и мученичеством Апостолов.

С годами добровольный плен, бесспорно, становился все радостней. Радостями плена оказывались заграничные поездки, роскошные покои, дачи за высокими неприступными заборами, чёрные и цветные автомобили, радости плена приносили почёт, славу, поклонение и, наконец, ордена и грамоты от властей, а вместе с роскошью, грамотами, орденами и почётом — безнаказанность и защиту со стороны властей, защиту от тех, кто посмеет церковным властям напомнить о Христе.

Став безраздельной владелицей миллиардов церковных денег, иерархия оказалась неким магнатом, получившим возможность бесконтрольно распоряжаться не принадлежащими ей сокровищами. Коррупция, взяточничество, разцветшие в период «застоя» в нашем обществе, расцвели столь же пышно во всех звеньях церковно-административного аппарата.

Об этом свидетельствуют многочисленные письма и жалобы верующих, направляемые владыкам и, как правило, остающиеся без всякого ответа. «Брошенные в Самиздат», эти письма вопиют о бедствиях Церкви... Из них мы узнаём, например, о том, что отныне монашествующие владыки, послушные принципам «новой экклезиологии», должны были подвергнуть ревизии и монашеские обеты о нестяжании и целомудрии. «Успехи монаха, — писал преп. Максим Исповедник, — нестяжание, бесславление, бессилие, воздержание, злострадание, лишение и сим подобные».

Духовное водительство монашества в Православии чрезвычайно значительно по своей силе влияния на жизнь Церкви. Православие по сути своей иночество, это — путь, указанный отцами и Учителями Церкви, путь к единению с Богом, путь к обожению. Монашество — духовное приобщение к борьбе за чистоту учения Церкви; давая обет послушания, монахи не считали для себя возможным смиряться с лжеучениями и ересями, от кого бы они ни исходили — от патриархов или от государей — помазанников Божиих. Именно монахи на соборах отстаивали Христову Истину, именно монахи побеждали еретиков и лжеучителей. Преп. Максим Исповедник, учитель созерцания и безмолвия, когда понадобилось отстаивать Православие от пагубной ереси, оставил монастырь и вступил в битву за Истину.

И сегодня, когда Церковь находится в бедственном положении, кому как не монахам, избравшим путь отвержения от себя и мира, царский путь послушания Христовым заповедям «погубить душу свою в мире сем», готовящим себя к терпению клеветы, поношений и гонений, кому как не монахам пристало бороться против вероотступничества, ересей и любых поношений Истины?

«Монашество — похвала Церкви Христовой, — говорили св. отцы. её цвет, её красота, её сила». Понятно, что те, кто считает монашество похвалой Церкви и испытывает благоговение к священному сану епископа, не может не ужасаться, видя плоды безобразия, которые явил нам Господь сегодня. Теперь часто можно услышать такую похвалу епископу: «он всё-таки неженатый» или похвалу священнику: «говорят, он верующий»...

В раннехристианской Церкви были женатые епископы, но они не давали монашеских обетов. Сегодня женатые митрополиты и епископы — не новость для паствы. Более того, они особо процветают и пользуются почётом у властей мира сего. По-видимому, это и даёт право им, грубо нарушающим канонические нормы церковной жизни, быть наиболее ревностными «охранителями» канонов и подвергать различного рода наказаниям непослушных им собратьев по вере. Сегодня часто можно услышать, что священники не столько опасаются атеистических властей, сколько церковной иерархии.

Ревизия евангельского откровения затронула все сферы церковной жизни. На Соборе по случаю Тысячелетия Крещения, несмотря на помпезность его, на присутствие иностранцев и постоянную боязнь «вынести сор из избы», всё же прозвучали кое-какие упоминания о бедах в церковной жизни. «Мы только правоверные, в самом узком смысле этого слова, — сказал Митрополит Сурожский Антоний, — мы говорим слова истины, но истины в нас нет, наша жизнь не является свидетельством этой истины».

Эта тема оскудения веры в православном пастырстве, духовно неподготовленном к своему служению, непросвещенном и равнодушном, теряющем авторитет в церковном народе, была едва затронута в некоторых выступлениях. Но, по-видимому, она и не могла прозвучать так, как ей подобает. Собор продемонстрировал кризис православного сознания; его документы, которые, надо надеяться, будут опубликованы, войдут в историю нашей Церкви и станут поучительными свидетельствами экклезиологического

бесплодия и политиканства, бесплодия, тщетно прикрываемого громкой и пустой словесностью, в которой не было ни подлинной боли, ни истинной любви.

Дьявол смеется над нами, а мы горюем на реках Вавилонских, горюем, когда слышим о нравственном упадке наших «владычествующих монахов», о содомском грехе, о коррупции, взяточничестве, интригах, борьбе за власть, человекоугодничестве, тщательно скрываемых теми, кто участвует в этом, и теми, кому до поры до времени выгоден этот нравственный распад. Горюем и ужасаемся, когда слышим несущиеся отовсюду вести (нет ничего тайного, что бы не стало явным) о том, что распутинщина нового толка гуляет по покоям Патриарха и приближенных к нему, распутинщина и кошунство над красотой священного патриаршого сана. Бог не медлит, Он являет плоды безобразия, как бы тщательно они ни были скрываемы. То, о чём вчера невозможно было и подумать, а сегодня может прозвучать лишь как намёк, завтра, мы верим в это, будет провозглашено «с кровель»...

И еще один незыблемый евангельский принцип был подвержен ревизии Московской Патриархией. Принцип абсолютного демократизма. Он сформулирован в Евангелии с максимализмом, не дающим возможности никакому компромиссу. Тот, кто хочет быть больше, будь всем слугой (Марк. 10:43).

В сергианстве, как в обновленчестве определённого толка, действует иной принцип: кто хочет быть больше, подчиняй себе других, тех, кто стоит ниже тебя на иерархической лестнице.

Понятно, что такой «демократизм» губителен для Церкви, он препятствует любому проявлению соборности.

Отсутствие всяких начал демократизма в Московской Патриархии рождает авторитарный, административно-бюрократически стиль управления Церковью, рождает бесконтрольность, безнаказанность, даёт возможность немедленно расправляться с непокорными, то есть создаёт «церковный тоталитаризм, чуждый природе Церкви.

Церковные средства, согласно евангельским принципам, могут принадлежать только церковному народу, ибо это он, народ, прихожане храмов вносят в церковную кассу свои средства на нужды Церкви. Перед ним, перед народом и следует отчитываться в каждой потраченной копейке, оставшейся после использования денег на непосредственные нужды прихода, отчитываться, дабы не быть обличаемым совестью. Сегодня церковными деньгами распоряжается иерархия, распоряжается по своему усмотрению, церковные руководители сами направляют «денежную» реку в удобное им русло. Кому хотят дают, у кого хотят забирают.

На починку крыши в сельском храме денег нет, храм должен деньги епархии и Данилову монастырю, причём должен тысячи, а иногда и десятки тысяч.

В Даниловом монастыре (о котором один сельский батюшка выразился так: «шикарный монастырь») я видела на паперти женщину, которая, по благословению, собирала милостыню на ремонт престола в сельском храме.

Данилов монастырь в самом деле слишком «шикарен» для монастыря в нашей стране, где тысячами стоят разрушенные и искалеченные храмы. На их восстановление, как утверждают иерархи, нет средств. На Данилов же монастырь, ставший своеобразной рекламой свободы религии в СССР, шли средства, по-видимому, из всех епархий, даже из тех, где не хватает денег на собственные нужды. Неслучайно в ограде Данилова монастыря размещено «министерство иностранных дел» Московской Патриархии, так называемый отдел внешних церковных сношений.

Здесь нет отбоя от иностранцев. Трудно представить себе большее неудобство для монастыря. «Все флаги в гости к нам». Новый аскетизм, по-филаретовски. Не только наш российский мир будет врываться в монашеское житие, но «весь мир во всём мире»!..

Стонет Русская Церковь от беззакония своих, стонет церковный народ, ищет правды, стучится в двери к своим единоверцам, взывает к их совести, просит защиты. Стоят по селам и городам среди красоты сотворённого мира разрушенные и оскверненные храмы

со снятыми крестами и заколоченными окнами. Не освящает больше просторы нашей земли колокольный звон, зияющими ранами стоят на ней искалеченные церкви.

Стонет земля. Не даёт ни хлеба, ни картофеля, ни других овощей вдоволь, ввозят из заморских стран к нам пропитание, и не будет давать земля хлеба до сытости до тех пор, пока не умилюстит наш народ Бога покаянием, не вымолит прощения Русская Церковь за все наши беззакония, за братоубийственную кровь...

Ездят по российским дорогам в епархии и в Патриархию измученные ложью в церковной ограде прихожане сельских и городских храмов, просят регистрации для общин, просят справедливости у Патриарха, у епископов, у Свящ. Синода. Тщетно. Молчали владыки, когда просили их заступничества пред властями семьи узников Христовых, молчат и сегодня, когда просят вразумить бесстыдных хищников и пьяниц, порочащих своё служение. Молчат. «Вы что, не знаете, что мы в плену?!»

Много ли их, этих нетерпеливых, несмиранных, не желающих поверить в «плен»? Много ли их, нетерпимых ко лжи? Двое или трое? Бог посчитает Своё малое стадо. А владыки любят считать миллионами, когда их приглашают давать интервью в газетах или по телевидению. Когда их посылают за границу на симпозиумы и форумы. Миллионы верующих, миллионы экземпляров...

Здесь статистика другая, крупный идет счёт. Только если миллионы верующих покупают миллионы дорогостоящих книг, то почему этих миллиардов, которые приносят эти миллионные операции, не хватает на то, чтобы починить престол или крышу в сельском храме?!

Разделение Христом. Духовный распад.

Нет греха непростительного, учат отцы, есть грех нераскаянный. Сначала только завязь, только листья на бесплодной смоковнице, но листья не насыщают, и Господь подвергает её страшному проклятию за бесплодие. Измена Слову Божию, даже самая, казалось бы, незначительная, непременно оборачивается нравственным распадом. И тогда с нами случается то, что случилось с Саулом. «Зачем же ты не послушал гласа Господа и бросился на добычу и сделал зло пред очами Господа?» — говорит Самуил Саулу. — «Ты отверг слово Господа, и Он отверг тебя...» (1 Цар. 15:19,23). И «от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа» (16:14). Саул был помазанником Бога, на нём была особая харизма. Но благодать — не пожизненная рента, повторю я, не печать, приложенная к бумаге.

И потому, когда Саула оставила благодать за то, что он «не послушал гласа Господа», врата ада одолели его, и овладел им злой дух, дух зависти и ненависти, дух боязни за себя, побуждающей к преступлениям. Он ещё оставался «по виду» царём, он казался помазанником, но царство было оторгнуто от него. Давид был уже помазан в царя.

Так тайная сила Божественной благодати выбирает тех, кто угоден Богу, кто ещё не явлен миру и отвергает царей, вчерашних помазанников. Они еще продолжают почитаться священниками и царями у людей мира сего, но их уже нет. Они угодны еще миру в этом звании, но их контракт с миродержцем потерял силу.

История Церкви знает немало случаев, когда вероотступники и еретики были патриархами, епископами и помазанниками Божиими. Св. Максим Исповедник явил пример бескомпромиссного служения Истине Христовой в противостоянии тем, кто, казалось бы, обладал харизмами святительского служения, тем, кто, казалось бы, обладал непререкаемым авторитетом. Преподобный Максим отверг ложь не только патриарха и епископов, он отверг решение вероотступнических соборов: «Все эти соборы [речь идет о соборах, на которых было утверждено лжеучение] созывались по царским повелениям, однако, все они отвергнуты и преданы анафеме, так как на них были составлены вероопределения безбожные и богопротивные» (память его 21 января). Отказываясь от общения с Константинопольским престолом, преподобный Максим заявил, что те, кто

отвергся от правой веры, приняв на своих соборах еретические и вероотступнические постановления, «много раз сами отлучили себя от Церкви и изобличили в неправославии». Преподобный был объявлен «врагом царю» и оклеветан как государственный преступник. Дьявол однообразен, у него нет других вариантов для того, чтобы бороться с верными учениками Христа. Соборы в жизни Православной Церкви имеют особое значение. И не только потому, что на Соборах часто идет борьба за Истину, за чистоту веры, но и потому, что Собор обнаруживает опасные тенденции в церковной жизни: ереси, измены учению, духовные разрывы с традицией. Церковь должна непременно собираться, чтобы знать о своих болезнях. В этом смысле Собор, посвященный Тысячелетию Крещения Руси, был необходим не только как торжественное собрание по поводу знаменательного события в жизни нашего Отечества, но и как собрание, демонстрирующее те духовные реальности, которые Богу было угодно открыть сегодня миру.

Как могло случиться, спросит каждый, кто приобщился или жаждет приобщения к истинной жизни Церкви, кто знает хоть в какой-то мере её историю, кто ищет познания таинственных смыслов Православия, столь неразрывно связанного с невидимой Церковью, с силой святых, как могло случиться, что Собор РПЦ отказался от канонизации новомучеников и исповедников Российских, уже канонизированных Русской Синодальной Церковью Заграницей?

Митрополит Ювеналий объяснил этот феномен так: «святое дело канонизации превратится в выражение политических эмоций [кем превратится, осталось неясным] и может быть использовано в каких-либо нецерковных целях [кем может быть использовано, тоже осталось тайной], если будут канонизированы святые мученики и исповедники» (см. Пресс-Релиз № 1, II/V 1988 г., изд. Моск. Патриархии).

Как могло случиться, что ни один из епископов не высказал другого суждения по этому вопросу? Разве им неизвестно, что новомученики и исповедники почитаются среди многих православных людей России за святых и церковный народ ждёт их канонизации нашей Церковью? По-видимому, на Собор столь же строго отбирались «делегаты», сколь строго отбираются и «претенденты» в епископы. Только этим можно объяснить, что все участники Собора послушно согласились с этой беспрецедентной для Православия позицией по отношению к невинно убиенным Христа ради. Согласились, обличив самих себя в неправославии. Обличив тем, что оспорили истину, высказанную Святейшим Патриархом Тихоном в дни Собора 1917-18 года. В это страшное время гонений на Церковь Патриарх Тихон засвидетельствовал, что убиенные пострадали «за веру и Православную Церковь» (см. «Церк. ведомости», 15/1/1918 г.).

В христианстве нет таких понятий, как субординация. Меньший благословляется большим, но благословляет Бог. В Церкви нет такого понятия как дисциплина. Церковь — не партия, в ней, как известно, один грешник, одна заблудшая душа может быть предпочтена девяносто девяти праведникам. Решения Соборов, даже если они приняты единогласно, не могут в Православной Церкви почитаться непогрешимыми. Непогрешимым в Православии является Глава Церкви — Христос, и нравственный авторитет в Православии превышает «иерархических авторитетов». Потому история нашей Церкви знает немало примеров, когда единогласные решения Соборов признавались ошибочными и предавались анафеме или забвению.

В борьбе за Истину ни субординация, ни дисциплина никаких преимуществ не имеют. Церковь живёт единством и действует любовью. Церковь не только не учитывает в своей духовной жизни политических эмоций (канонизация святых — событие духовного плана), но они ею даже не должны обсуждаться. В её учении нет никаких запретов почитать святыми тех, кто может показаться миру политическими преступниками, ибо, по непреложному обещанию Христа, все гонимые за веру будут оклеветаны.

Дело миродержца и его слуг — клеветать, дело Церкви — не внимать клевете ни в какой степени. Начало этой «квалификации» было положено на Голгофе. Первосвященники, требуя убийства Бога, говорили Пилату, что Он — враг кесарю. Христос был Первым, в

новой истории человечества, Кто вызвал «политические эмоции» у своих убийц. За Ним Апостолы были казнены, как политические злодеи, а вслед за ними, — сонмы мучеников, объявленных государственными, политическими преступниками.

Первохристиане совершали богослужения у гробов мучеников, почитая их святыми, канонизация происходила без «голосования» и специальных Соборов. Христиане собирались у мощей мучеников и молились им. Святая Апостольская Церковь жила и живёт в глубочайшем молитвенном единении с мучениками и исповедниками, «она освящена мучениками и утверждается престолом Своим на их святых останках» (Св. Герман, патриарх Константинопольский). Это было и есть непреходящее сокровище Церкви, её семя, её слава, её любовь.

Исповедники были облечены особым нравственным авторитетом в первохристианской Церкви. Прошло двадцать веков, и мы стыдимся признать своих святых святыми, чтобы не вызвать «эмоций»! Факт этот выходит далеко за рамки «инцидента», произошедшего на Соборе в связи с заявлением митр. Ювеналия. Именно здесь, в этом инциденте, как в фокусе, сконцентрировались новые течения в Русской Православной Церкви. Именно здесь обнаружилось существенное различие между верой (вера такого допустить не может!) и системой религиозных взглядов, системой, «подменяющей» утраченную, или не обретенную еще, веру.

Эти новые течения не менее драматичны для Церкви, чем иконоборчество, расколы и ереси, переживаемые Церковью в её истории. «Бывали соборы еретические, — пишет А.С. Хомяков, — каковы, например, те, на которых был составлен полуарианский символ; соборы, на которых подписавшихся епископов насчитывалось вдвое более, чем на Никейском, на которых императоры принимали ересь, патриархи провозглашали ересь, папы подчинялись ереси. Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющие никаких наружных отличий от Соборов

вселенских? Потому единственно, что их решения не были признаны за голос Церкви всем церковным народом, тем народом и в той среде, где в вопросах веры нет различия между учёным и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государём и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу даётся слово мудрости, ересь учёного епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы всё было едино в свободном единстве веры, которое есть проявление Духа Божия» (т. 2, изд. 3-е, стр. 71-72).

Бог почивает во Своих святых, и не признавать святыми по политическим соображениям тех, кому Он послал мученическую кончину для славы Церкви означает не только оскорблять святых, но и Бога, почивающего в них. «Честна пред Господом смерть преподобных Его», — поёт Церковь на Своих богослужениях. Возможно ли оскорблять Духа Божия по политическим соображениям?! Не страшно ли, не горестно ли осознавать, в какую тяжкую беду попали те, сан которых вызывает в нас благоговение?

Да и от себя ли, наконец, произнёс митр. Ювеналий сие кощунство?

Нелепо было бы думать даже нашим мифотворцам, что это — результат чьего-то предписания, приказа, инструкции, и что список имён святых, подлежащих канонизации, «спущен» из вышестоящих инстанций! Даже на скамье подсудимых узник, охраняемый конвоем, свободен и может сказать то, что хочет сказать.

Благоговевая пред саном митрополита Ювеналия и его собратьев, мы не можем даже предположить, что епископ может солгать в угоду власти или низким побуждениям,

может испугаться прещений со стороны властей духовных ли, мирских ли. Да не будут наши суждения расценены как презрение или осуждение священноначалия!

Это, бесспорно, явилось проявлением личной свободы митр. Ювеналия. Его личного отношения к новомученикам российским, совпадающего с мнением тех епископов, которые присутствовали на Соборе и не оспорили эту точку зрения. Ибо епископы, несущие апостольское служение, свободны в Господе, как каждый исповедующий Христа Богом, и нет такой силы, которая могла бы навязать христианину, если он не хочет, хулу на Святых.

Но хула ли это? Является ли гонение хулой? Гонение всегда связаны с поношением, клеветой, хулой, ненавистью.

Так раскрывает смысл гонений Господь: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Матф. 5:11). Обвинять в том, что вы не совершали, только потому, что вы были верны Мне, исповедывали Меня. «Что ты гонишь Меня?» (Деян. 9:4) — услышал Апостол Павел на дороге в Дамаск. Тот, кто гонит, поносит, клеветает, наконец, повторяет чужую клевету, тот гонит и бесчестит Христа. «Что ты гонишь Меня?» «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны; ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется» (1 Петр. 4:14). Здесь в евангельском учении о гонениях всё обнажено и все смыслы вскрыты. Только утрата веры может лишить возможности слышать эти смыслы, слышать, что хула на учеников Христовых есть хула на Духа Божия. Это Он, Свидетель страданий Иисусовых, напоминает ученикам Христовым: если злословят вас, называя политическими преступниками, то вы блаженны, то есть вам даровано блаженство, ибо Бог знает, за что гонят вас ненавидящие имя Его.

Блаженство, однако, всегда хотят забрать те, кто не имеет его, считая, что блаженство входит «в компетенцию» власть имущих и им, обладающим властью, церковной или мирской, дана возможность лишать блаженства при помощи клеветы и хулы...

Для митр. Ювеналия канонизация святых есть акт не мистический, не духовный, а, скорее, политический, и в нём не может идти речи о блаженстве гонимых за Христа. Во-первых, канонизировать, как полагает митр. Ювеналий, стоит только тех, кто не вызовет «политических эмоций». Во-вторых, в канонизации святых, которых можно признать святыми, по словам митрополита, «отразился ответственный и благоразумный подход к осмыслению новейшей истории». Как это ни печально, но все эти формулировки свидетельствуют о том, что митр. Ювеналий не принимает во внимание основы правой веры в Церковь. Православно верующие находятся в единении со своими святыми не формально, а реально, эти реальные отношения никоим образом не зависимы от осмысления не только «новейшей истории», но вообще какой-либо истории, ибо святость, согласно правой вере, внеисторична, она есть духовное совершенство совершенных и не подвластна тем критериям, которые были выдвинуты митр. Ювеналием и не оспорены ни одним участником Собора.

Политическое мышление митр. Ювеналия не только вошло в противоречие с основами Православия, оно сослужило и определенную службу в политической трактовке событий, связанных с гонениями на Церковь. Оказалось, что препятствием устройства церковной жизни на началах лояльности, как заявил митр. Ювеналий на Соборе РПЦ, было «недостаточное осознание определённой частью Русской Церкви всей серьёзности совершившегося в 1917 году в нашей стране».

Если освободить от словесной шелухи смысл этой фразы, отмеченной политической двусмысленностью, то станет ясно, что речь идет в ней об апологии гонений.

Недостаточно осознали? Значит сами и виноваты в том, что вас убили! И священномученик митрополит Филипп тоже сам виноват! Сам_напросился. Дальше

больше виноват, чем те, кто «недостаточно осознали». Митрополит Филипп, смиреннейший из смиренных, позволил себе сказать помазаннику Божьему, царю Иоанну Грозному, что он — убийца. Будь власть митрополита Ювеналия, он не позволил бы канонизировать священномученика Филиппа. Впрочем митрополит Московский Филипп претерпел от своих собратьев-епископов то же самое, что терпят ныне от епископата РПЦ священномученики Вениамин, митрополит Петроградский, и Владимир, митрополит Киевский, а вместе с ними и сонм новомучеников и исповедников...

«Еще другой есть ведущий к нечестию путь — нечувствие к потере добродетели», — свидетельствует преп. Максим Исповедник.

Именно епископы срывали ризы с митрополита Филиппа по приказу царя. И он тоже был объявлен государственным злодеем и был удушен. К позору тех епископов, которые предали его.

Пришло время и, по милости Божией, Церковь осознала весь позор этого предательства и принесла покаяние...

В акте отречения нашего епископата от единства с новомучениками, от единства с Небесной Церковью, возможно,

таится грех духовного раскола с Православием отцов. «Кто не изволяет со всею любовью и желанием и смиренномудрием соединиться с самым последним [по времени] из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет вчинен в ряд предшествующих святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу, и ко всем святым, — пишет преп. Симеон Новый Богослов в Деятельных и Богословских главах, — он будет извержен из среды их...» (Преп. Симеон Новый Богослов, т. 2, стр. 560). Никто из земных властей не ответствен за это отречение.

Отречение совершилось добровольно. Нечувствие к потере добродетели стало результатом двоедушия и «богословия компромиссов». Духовные разрывы и измены, ереси и расколы. Огненное разделение Христом. И Крестом.

Так жила и живёт Церковь. Именно в этих испытаниях крепнет её несокрушимая сила.

Царство Непоколебимое.

Так что же — значит, сдвинут наш светильник с места его?

И «врата адовы» подступили к вратам Церкви столь близко, что мы оказались на тонкой грани меж жизнью и небытием?

Значит, надежде на Святую Русь, которую не раз высказывала Матерь Божия в Своих откровениях тем, кому Она являлась, пока не суждено сбыться? И упование на Святую Русь наших братьев и сестёр по вере, живущих вдали от Матери-Церкви и рассеянных по лицу земли, напрасны? Значить, нет её, Святой Руси, града Китежа, «святого остатка», не преклонившего ни главы, ни коленей своих пред Ваалом? «И стыдно становится, — по словам А.С. Хомякова, — за Церковь, до того низко упавшую, что она уже не совестится рекомендовать себя правительствам или народам, словно наёмная дружина, выторговывающая себе за усердную

службу денежную плату, покровительство или почет» (А.С. Хомяков, т. 2, 5-е изд., стр. 82-83). И, значит, обетования Господни о неодолимости Церкви не сбылись?

Наша вера говорит нам иное. Святая Русь неуничтожима. Наша вера знает, что нет такой силы, которая могла бы убить её, бессилена ад пред нею, страдающей безмерно и побеждающей своими страданиями и жаждой Христа все врата ада.

Михаил Новоселов, известный церковный писатель, по всей вероятности, принявший мученическую кончину в годы сталинского террора (см. сб. «Надежда», вып. 10, стр. 155), останавливался подробно в своих «Письмах к друзьям» на проблемах церковной жизни, актуальных и в наше время: «Не будем смущаться и неверностью множества пастырей и архипастырей, как явлением неожиданным: это не новость для Церкви Божией, нравственные потрясения которой, исходившие всегда от иерарха, а не от верующего

народа, бывали так часты и сильны, что дали повод к поучительной остроте: „если епископы не одолели Церкви, то врата ада не одолеют её". Не будем недоумевать и перед тем, что часто простецы иноки и рядовые миряне больше архипастырей обнаруживают не только ревности о деле Божиим, но и разума духовного: и раньше „уши народа оказывались, — по словам св. Илария Пиктавийского, — святее сердца иерархов". Не одними иерархами утверждалась и утверждается крепость Церкви Божией, не ими и не учёными богословами хранится святое достояние её — Дух Истины, почивший на славных первенцах её: переноса из века в век своё небесное сокровище, Церковь Христова блюдет его при посредстве тех, имена коих написаны в книге жизни, а не в ставленнических грамотах и учёных дипломах, ибо подлинное самосознание церковное движется не по пути иерархичности и учёности, а по руслу святости». Церковь не платит духовной дани никому, и напрасно «религиозные руководители» объявляют себя Церковью: у Бога нет лицемерия. Церковь не отказывается от канонизации святых, боясь пробудить «политические эмоции». Она не боится никого, боится только оскорбить Бога, Его благодать. И приемлет «Царство непоколебимое с благоговением и страхом: потому что Бог наш есть огонь поядоющий» (Евр. 12:28).

У неё другой язык, язык веры, она сокрыта в сокровенных пустынях сердечных, и её никому не дано достичь насильственным образом.

Михаил Новоселов в тех же письмах о Церкви приводит отрывки из исследования о Церкви князя Д.А. Хилкова, апологета церковности, как его характеризует М. Новоселов. «Если мы станем на точку зрения благовествования и признаем, что Церковь есть именно Церковь, — храм живущего в ней Святого Духа, Тело Христово и живой организм, то всё представление наше меняется.... Ведь Церковь это — жизнь во Христе сотен миллионов людей. Отчего мы можем думать, что эта жизнь во Христе этих сотен миллионов или части их — не та же самая, которой и раньше жили части и молекулы Тела Христова? При таком взгляде на Церковь (как на живой организм) указывать на Синод или группу архиереев (вероятно, корреспондент Д.А. Хилкова указывал на какие-нибудь некрасивые действия Синода, «оскверняющие», по его мнению, святыню Церкви и подрывающие авторитет последней. — Примеч. М. Новоселова), по учению отцов Церкви, всё равно, что подойти к яблоне и сказать: Вы утверждаете, что яблоня жива, что это нечто живое и реальное, а вот смотрите — пустое место, наполненное грязью и пылью... И ещё подобие: на теле человека вырос „злокачественный нарост". Так определили доктора. Теперь я спрашиваю: в каком отношении находится этот нарост к личности человека? Скажем так: наша индивидуальность живёт в нашем теле, живёт в ноге, руке, в ушах. Вскрывает «нарост». Я спрашиваю, живём ли мы в этом наросте? Христос даёт такой ответ: пока нарост „чувствителен", пока нам больно, если его будут „колоть", до тех пор несомненно вы живёте в этом наросте. Если же „чувствительность" потеряна, то да будет вам этот нарост, как мытарь и грешник. Если он „не слушается", если чувствительность утеряна, то, значит, он уже не часть тела».

Прервем рассуждение Д.А. Хилкова и вспомним совет Господа «отсечь и бросить от себя» соблазняющий тебя собственный глаз или руку, ибо лучше, «чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну» (Матф. 5:30). Не так ли хранит Господь от гибели всё Тело Свое, Церковь Свою, отсекая от Него вводящие в соблазн члены Его? И тут же следует сделать замечание о том, что мы часто неверно понимаем слово «соблазн», скрывая от себя и других соблазны, считая, что правда о бедах Церкви соблазнительней, чем ложь. Но нет ничего страшней и опасней, чем ложь в церковной жизни, нет ничего страшней и опасней, чем равнодушные к поношению лжесвятости Церкви!

«Представьте себе, — продолжает свои размышления Д. А. Хилков, — что ныне при нас наступило бы то, что непременно наступит и сбудется: что из 100 епископов 99 отречётся от Православия, а из 80-ти миллионов отрекутся от него 79 миллионов 999.990 человек. Что же из этого? Да ровно ничего! Это дело очень бы касалось отрекшихся, но Церкви

вовсе бы не касалось. Как она была Телом Христовым и новым организмом, такой бы и осталась».

Разве не говорили ли, продолжим мы мысль Д.А. Хилкова, в XIX и в начале XX столетия, что Русская Православная Церковь «в параличе», разве не сетовал митрополит Московский Филарет (Дроздов) на то, что Церковь испытывает тягчайшие духовные гонения, обессиливающие её? Разве не печалились наши святые об упадке христианства на Руси во времена внешнего кажущегося благоденствия Церкви? Св. Тихон Задонский писал: «должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Бога».

Новопрославленный святой, епископ Игнатий Брянчанинов свидетельствует в своих письмах и сочинениях о том, что «время страшное.... не от кого ожидать восстановление христианства! Сосуды Святого Духа иссякли окончательно повсюду даже в монастырях, этих сокровищах благочестия и благодати, а дело Духа Божия может быть поддерживаемо и восстанавливаемо только Его орудиеми»; «...решительно оскудели живые органы Божественной благодати; в облачении их явились волки: обманывают и губят овец..... «...Св. Афанасий Великий говорит, что одним

из признаков приближающегося пришествия антихриста будет переход церковного управления из рук архипастырей в руки светских сановников. Признак очень верный! Это не может состояться иначе, как при утрате духовенством своего существенного духовного значения, своей энергии, порождаемой решительным отречением от мира....»;

«...чиновничеством

уничтожено в Церкви существенное значение иерархии, уничтожена связь между пастырями и паствою, а миролюбие, ненасытное стремление к суетным почестям, и накоплению капиталов — уничтожило в пастырях христиан, оставило в них лишь презренных, ненавистных полицейских....»; «...предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ, и все страны, в которых доселе держалось Православие»; «...дело православной веры можно признавать приближающимся к решительной развязке.... Одна особенная милость Божия может остановить нравственную всегубящую эпидемию, остановить на некоторое время, потому что надо же исполниться предреченному Писанием».

Милость Божия, на которую уповали святые, остановила эту «всегубящую эпидемию». Невиданное в истории христианства мученичество и исповедничество, явившееся в России в нашем столетии, оказалось научением Божиим всему миру, всему человечеству, утрачивающему христианство, как жизнь, таинство и дух. Бог напоминает нам о себе скорбями и катастрофами, и, ужасаясь их мучительными для нас ударами, мы не сразу можем увидеть их благие плоды. Наши мученики и исповедники принадлежать всему человечеству. В конце времён, когда христианству, как никогда ранее, стала угрожать опасность превратиться в «обуявшую соль», когда человечество было подготовлено дьявольской злобой к тому, чтобы накопить огонь для своего уничтожения, Бог вернул миру славу и силу Креста Своего.

Святая Русь живёт во времени, живёт в истории, но не принадлежит, как Тело Христово, ни времени, ни истории. Христос вчера и сегодня всё Тот же. И когда мы читаем в Апостольских посланиях, что во времена Апостольские Церковь пытались духовно ослабить лжеапостолы, лжеепископы, лукавые делатели, то это относится не только к тем временам, но и к нашим. Это наше «церковное время». И когда мы узнаём из Апокалипсиса, что в Ефесской Церкви, славящейся своим терпением, преданностью Христу и неприятием разврата в церковной среде, были лжецы, называвшие себя апостолами, но не являвшиеся таковыми (Откр. 2:2), то это тоже наше «церковное время», повторяющееся в истории Церкви по Домостроительству Бога. И слова Св. Иоанна Златоуста: «я никого на свете не боюсь, боюсь одних епископов», принадлежат нашему времени. Как и горестные, пророческие слова преп. Серафима Саровского, что настанут

времена, когда архиереи настолько онечестивятся, что и догматам веры изменять... «И дано зверю победить святых», — читаем мы с трепетом в тринадцатой главе Апокалипсиса. «И поклонятся ему все жинущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13:8). Как пишется эта книга жизни, нам не дано знать. Но не исключено, что для того и дано зверю победить святых, чтобы те, кто не захотят поклониться зверю и принять его печать на чело и руку — на ум и действие — смогли быть вписанными в эту книгу вечного блаженства и радости.

«Мистической революцией», попущенной Божественным Промыслом для спасения тех, кто возжаждет Бога, поставлением мирового христианства перед лицом апокалиптического зверя, возможно, началась новая эра в жизни Единой Соборной и Апостольской Церкви. Возможно, она потребует развития сложнейших проблем экклесиологии и антропологии, связанных с произошедшими в XX веке катаклизмами в жизни Церкви, потребует духовных уточнений взаимоотношений церковной иерархии и православного народа, возвращение к тому типу взаимоотношений, которые были характерны для первохристианства, основанных на абсолютном демократизме. Только такой церковный демократизм даёт благодатную силу для соборности, любви и единства перед лицом апокалиптического зверя.

Константиновская эпоха, во времена которой складывались многие действующие сегодня в церковной жизни установления, ушла в прошлое. Время, несущее нас к «концу истории», и его смыслы будут с неизбежностью побуждать Церковь к совершенствованию её внешней и внутренней жизни.

Произошедшее с нами в последние десятилетия еще не получило церковного осмысления в контексте метаистории, в контексте евангельского откровения о судьбах христианства.

Мы стали свидетелями того, что «политические эмоции» для русского епископата оказались важнее евангельских реальностей. Стали свидетелями плодов, которые принесла «селекционная работа» атеистических властей. Можем ли мы сомневаться в том, что сатанинская ненависть к Богу и Церкви не иссякнет и не может иссякнуть в период земного странствования Церкви? И что властвовать она может не только безбожным умом, но и умами тех, кто полагает себя служителями Христа.

Для этой злобы нет границ и национальных перегородок, для нее нет законов и канонов; вспыхивая сегодня, по попущению Божию, в одной части мира, она может завтра «перебросить» свой огонь в другую часть. Поэтому никогда в земном времени не прекратится эта страшная битва за каждую душу между зверем и святой Апостольской Церковью. И никогда ни на йоту не поколеблется Царство Непоколебимое.

И сколь бы ни был тягостен духовный разрыв с Православием отдельных служителей Церкви, и как бы ни были безобразны плоды, притаившиеся под мрачной тенью греха и распада, необходимо особенно горячо в эту тревожную пору добиваться единства, защищая учение Святой Церкви.

Еккл. 8:3 – «Не спеши уходить от лица его, и не упорствуй в худом деле; потому что он, что захочет, все может сделать».

Плачет на реках Вавилонских Русская Церковь. Стонет, обременённая скорбями, изменами, поруганием, стонет, укрытая Господом от разрушающих соблазнов, и отмаливает малодушных. Ездят по российским дорогам паломники и ищут правды.

«Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» (Пс. 113:9). Сокрыта Церковь Богом в тайниках душ верных Ему и праведных, ради которых пока и мир сохраняется от всепожаряющего огня. Спрятана Она в сокровеннейших сердечных пустынях. Не достать её, как бы ни сгущалась тьма, как бы ни поработала тех, кто хочет быть поработанным.

Невозможно ни сжечь её в печи Вавилонской, ни забрать ни у кого из нас, ибо мы носим её в сердце своем.

Покров Пресвятой Богородицы, 1988 г.

<http://internetsobor.org/arkhiv-rptcz/istoriia/rptcz/arkhiv-rptcz/zoia-krakhmalnikova-gorkie-plody-sladkogo-plena-1988-g>.